

25.11.2003 Лариса Вольперт.

Волшебное царство шахмат.

С особым удовольствием представляем молодому поколению наших читателей автора этой статьи. Лариса Ильинична Вольперт — одна из сильнейших шахматисток мира, международный гроссмейстер, трехкратная чемпионка СССР, чемпионка Ленинграда, доктор филологических наук, профессор Тартуского университета.

Я научилась играть в семь лет. Отец и брат Женя (на пять лет меня старше) по воскресеньям играли в какую-то непостижимую, но очень увлекательную игру. Мне разрешалось наблюдать (условие — “ни звука!”), и я восхищенно замирала перед ее загадочностью. Однажды до меня неожиданно дошло: *я различаю ходы*. Раз так, было решено меня поощрить. Женька великодушно объяснил мне “азы” и снизошел: “Так и быть — подвигаю”. Впечатление от полученного в первый раз в жизни “детского мата” словами передать невозможно. Но, увы! — оказалось, что играть со мной для него — чистая мука. Я канючила: “Сыгра-а-а-й!” — “Отстань, скучно!” Спасала мама: “Сыграй! Я дам тебе рубль на кино”; неотразимый “аргумент” неизменно действовал, и начиналось утонченное издевательство. Он помногу раз “менял” позицию: брал себе мою проигранную, давал мне свою выигранную, и снова у меня — “труба”; дело кончалось ревом на всю квартиру. Я поклялась, что когда-нибудь сама буду его точно так “пересаживать”.

Первый успех — звание чемпиона семьи — досталось мне нелегко. “Неджентльменский” мужской союз (на моей стороне — только не умеющая играть мама) из кожи лез вон, чтобы такого позора не допустить. В ход шли все приемы, даже запрещенные (включая подсказку), но прогресс был неумолим. Удивительное дело: после моего восхождения на “семейный Олимп” отец и брат почему-то утратили интерес к игре (не к моим турнирам — у Жени всегда была в кармане таблица), но к борьбе между собой.

Триумфальное “восхождение” продолжилось в школьных турнирах, я выполнила сначала пятую, потом четвертую категорию и стала чемпионом 4б класса. Неизгладимое впечатление тех лет: я пытаюсь дать мат ладьей, вражеский король уже прижат к краю, мой тупо гоняется за ним из стороны в сторону, но тот все время от мата ускользает. В 11 лет я набралась смелости и явилась во Дворец пионеров. “Ты умеешь играть?” — спросил меня руководитель секции (замечательный тренер и человек, он погиб в блокаду) Самуил Осипович Вайнштейн. “Да, я хорошо играю”. Он подозвал совсем маленького мальчика: “Проверь, как она играет”. Тот против всех правил стал двигать одними пешками и — фантастика! — дал мат: “Она понятия не имеет об этой игре”. “Девочка, не огорчайся, я запишу тебя в турнир пятой категории, ты легко наберешь четвертую”. Сыграла — все нули! “Не плачь, я запишу тебя в турнир безразрядников, ты легко наберешь пятую категорию”. И снова — все нули! Слухи о моих “успехах” докатились до 4^б. Как меня дразнили! Вопрос стоял — топиться в Фонтанке или нет. Но шли занятия, турнир следовал за турниром... и до войны я выполнила “хорошую” третью категорию. Известно, что самые большие энтузиасты шахмат — вовсе не взрослые, а дети. Действительно, того острого ощущения счастья от красивой жертвы, которое мне довелось испытать тогда, позднее я уже не знала. По-видимому, на детское воображение магия комбинации действует сильнее.

Я пришла во Дворец в 1937 году, и о том, каким страшным был этот год, я, естественно, не подозревала. Занятия во Дворце были чистой радостью, до сих пор во мне живет глубочайшая благодарность. *Кому?* — сама не знаю.

Государству? Жданову? Самуилу Осиповичу? Когда я сказала об этом чувстве тартускому кандидату в мастера Виктору Воону, он резонно заметил: “Государство, в котором шесть миллионов заключенных мучаются в рабском труде в бескрайнем ГУЛАГе, может себе позволить подарить деткам царский дворец (Александра III) и счастье шахматного кружка”.

Этот год преподнес мне и другую радость. Неожиданно я заняла пятое место в олимпиаде Ленинграда в честь столетнего юбилея Пушкина. Помню, с каким вдохновением я читала перед переполненным залом “Анчар”. Мне вручили приз (“Тиль Уленшпигель” Ш. де Костера) и приглашение в студию художественного чтения во Дворец (“увертюрой” к уроку всякий раз служили пушкинские стихи). Удивительное было время: на первой странице газет звенели фанфары и литавры пушкинской гождовщины (ей был придан характер всенародного праздника), а на последующих полосах печатались смертные приговоры по делу врагов народа. Я тогда и представить себе не могла, что изучению творческой связи Пушкина с французской литературой посвящу основную часть жизни (на эту тему опубликую более ста статей и три монографии, из них одна — электронная), и благодаря его двухсотлетию (на этот раз — со дня рождения) объеду с докладами Европу и Америку. Так уж случилось, что Дворец раскрыл передо мною не только волшебное царство шахмат, но и прекрасный мир лирики Пушкина.

Именно там, незадолго до войны, появился стройный, изящный, с головой древнего ассирийца молодой тренер. Очень ярко, глазами девятилетнего Бори, описал свое первое впечатление от В.Г.Зака Спасский: “...и вдруг — появление человека яркой восточной наружности, чалму ему одень — был бы настоящий индийский факир. Этакое явление факира из сказочного мира <...> И делал он тоже что-то волшебное — *один играл против всех*”.

Мои тренеры

Желание написать эти воспоминания зародилось как отклик на статью А.Юнеева о В.Г.Заке “Секрет его успехов” (“ШП” № 1/2003). Я полностью солидарна с автором, однако юбилейные статьи (эта была написана к 90-летию со дня рождения) подчиняются “законам жанра” и потому имеют свою специфику. Реально проблема тренерской системы В.Г.Зака сложнее, мнения о ней противоречивее; вопрос в целом заслуживает, на мой взгляд, и других попыток проникнуть в “тайну” его успехов. Кроме того, мне бы хотелось к воспоминаниям А.Юнеева присоединить личную “память”.

Было еще два стимула обратиться к этой теме. Меня попросили выступить на республиканском семинаре тренеров Эстонии с рассказом о моих учителях. Согласие повлекло необходимость не только заново перелистать свою шахматную биографию, но и попытаться понять перемены в сущности тренерства за полвека. Что меняется в подготовке шахматистов высшего класса, в чем драматизм *расставания* учителя с учеником, какие изменения внес компьютер? На мой вопрос — надо ли учить компьютеру — тартуский тренер Аксель Рей ответил оптимистически: “Не надо. Современные дети сами научат ему кого угодно”. А вот ответ на вопрос — можно ли научить ребенка различать, когда компьютер “замусоривает” мозги, а когда обогащает, — звучал пессимистически: “Нельзя. Зависит от ученика. Попытаться предостеречь можно”.

Другим стимулом стала статья обо мне Людмилы Белавенец “А по утрам она летает” (“64” № 3/2003). Ее интересовал вопрос: почему в 1964 году в разгар успехов, в 38 лет, я попросила забрать у меня “стипендию” и ушла из больших

шахмат. Это — не праздное любопытство: ее тревожит судьба учеников, как раз самых перспективных. Некоторые, рано добившись успеха, полагали, что смогут атаковать шахматный Олимп, но в какой-то момент надежды рассеялись. Ее ученик Саша Морозевич, ставший гроссмейстером в 15 лет, недавно написал, что вроде бы уже “наборолся” (не “наигрался”, разумеется), и, может быть, захочет попробовать свои силы на другом поприще. А пока? Ездить на “опен-турниры”? Об этой перспективе говорил мне в Нью-Джерси Борис Гулько: “Где играть? Опены в основном — в Европе, лететь через океан дорого, гостиницы *кусаются*, приз не гарантирован”. Подбросил пищи для размышлений и Виктор Корчной. На мой вопрос — играет ли он в “опенах” — ответил: “Нет. Только по персональным приглашениям, избирательно”. И пояснил: “Преимущество возраста”. Я поняла: он не просто один из сильнейших игроков мира, но и из немногих, у кого есть своя *Легенда*.

Мысль Л.Белавенец: молодые мастера и гроссмейстеры — люди высокого интеллекта; может быть, им попытаться найти себя на другом поприще, как это сделал Гата Камский? Ведь вопрос: как обеспечить себя? — сегодня стоит весьма остро. Или стать тренером? Но надо, кроме всего прочего, иметь призвание и талант, любить эту работу, которая не сахар, быть готовым к скромной оплате и разочарованиям: “Мрачных дней в работе тренера гораздо больше, чем светлых <...> оценивают нас не по работе, а по результатам этой работы”. Эту горькую мысль высказал Владимир Григорьевич Зак, удачливый тренер, в полной мере насладившийся успехами учеников. С личностью *главного* Учителя моей жизни невольно связывались все вопросы, возникавшие во время этих раздумий.

О нем как о тренере ведутся споры по сей день. Для многих В.Г.Зак представляет немалую загадку. В его тренерской позиции находили много недостатков. Одни писали о его “узких представлениях”, отмечали, что его шахматные концепции имели как бы слишком законченный, устоявшийся характер, другие — об излишней педантичности, налете “начетничества”. Самым суровым критиком был Марк Тайманов, и, как мне представляется, причина в том, что он невольно сопоставлял Зака с Ботвинником. Но сравнение вряд ли корректно: различны и практическая сила, и призвание, и жертвы, принесенные на алтарь *учительства*. Ботвинник до войны во Дворце раз в неделю занимался с шестью кандидатами в мастера, а в старости во Всесоюзной шахматной школе — с будущими чемпионами. Зак же, как писал Спасский, “не жалея сил и времени”, в ущерб семье и здоровью нередко занимался с учениками с утра до вечера. Не забывали отметить, что практическая сила В.Г.Зака была “до определенного уровня” (она приближалась к мастерской, он проиграл два матча на звание мастера очень сильным противникам, прекрасным аналитикам — Виктору Васильеву и Юрию Авербаху). Отмечали, что подчас он был “зациклен” на одних и тех же схемах и любил выступать в роли носителя абсолютной истины. Может быть, учитывая последний упрек, как бы ретроспективно защищаясь, эпитафией к книге “Пути совершенствования” он поставил слова Рети: “Подобно тому, как в жизни не может быть абсолютных норм, так и в шахматах не существует абсолютных правил”.

Некоторые упреки, возможно, в какой-то мере справедливы. Но существенней неоспоримый итог: В.Г.Зак сумел превратить кружок ленинградского Дворца пионеров в легендарную кузницу шахматных “звезд”. Разумеется, в создании удивительной школы принимали участие и другие прекрасные тренеры Дворца (А.Черепков, В.Бывшев, С.Хавский и др.), но на раннем этапе детей, отмеченных *знаком Каиссы*, чаще всего “выделял” именно он. Блистательная плеяда гроссмейстеров (Спасский, Корчной, Камский, Салов, Кочиев, Ермолинский, Сосонко, Цейтлин, Фишбейн) и множество мастеров и кандидатов в мастера в разное время учились у него (некоторых он довел только до 12-13 лет, но ранний этап в процессе шахматного роста, как известно, один из самых продуктивных).

Как же все-таки ему удалось превратить обыкновенный кружок в знаменитую школу “шахматных звезд”? Сам он простодушно объяснял: “Мне просто повезло с учениками...”. Так, да и не так. Детей надо было заметить, научить и вдохновить. Знаменательно, что и Марк Тайманов в тренерском феномене В.Г.Зака видит непостижимую загадку: “...примечательно, что из его рук выходили шахматисты совершенно различного стиля игры высочайшего класса. Вероятно, какой-то секрет у него был”. Еще более решительный ответ дал А.Кочиев: “Зак — тренер высочайшего класса”. Очень интересна афористическая оценка Г.Сосонко: “Хороший учитель объясняет. Выдающийся учитель показывает. Великий учитель вдохновляет <...> Владимир Григорьевич Зак был великим учителем шахмат”. Мнение Г.Сосонко располагает к размышлениям: второй уровень — “показывать” — касается практической силы. А вот третий: “вдохновлять”... *на что?* На самозабвенный труд? Бескомпромиссный поиск истины? Или на убеждение, что шахматам *можно и стоит посвятить жизнь?* Скорее всего — последнее. Вот тут и возникает связь с поднятой Л.Белавенец проблемой — как оценка Сосонко соотносится с *сегодняшним* состоянием шахмат. В.Г.Зак работал в другом измерении: в СССР в 50-е годы игра была на *высочайшем пьедестале* (*балет, ракеты, шахматы*). Сталин мог ночью потребовать к телефону сборную страны: готова ли она к победе над США? О нынешней, “рыночной” ситуации Владимир Григорьевич Зак и помыслить не мог. На что ориентировать выдающегося ученика сегодня? Однозначного ответа, естественно, быть не может. Он зависит от десятка причин и прежде всего — от индивидуальности шахматиста, от степени его влюбленности в шахматы, от его материального положения (увы!) и многого другого.

В.Г.Зак (1913–1994) был разносторонне творческим человеком. Он мог написать отличную шахматную биографию (“Ласкер”), полезную книгу для тренеров о методике преподавания (“Пути совершенствования”), серьезное историческое исследование о шахматистах Петербурга, Петрограда, Ленинграда. Особенно ему удавались руководства для начинающих и их пап (“О маленьких для больших”, “Отдать, чтобы найти”). Увлекательная книжка для малышей “Я играю в шахматы”, написанная в соавторстве с детским писателем Я.Н.Длуголенским, яркая, “игровая”, с веселыми картинками и остроумными комментариями, пользовалась огромным спросом и выдержала несколько изданий.

Инженер по профессии, кандидат в мастера с 1937 г., В.Г.Зак вспоминал в 1980 г., с каким волнением 40 лет назад он шел в ленинградский Дворец пионеров проводить свой первый урок: “Тогда я еще не знал, что это занятие явится для меня началом деятельности, которой я посвящу всю свою жизнь”. Суметь разгадать свое призвание и вовремя свернуть на другой путь удается немногим.

До войны мне посчастливилось несколько раз посидеть на его занятиях; один раз даже выпала особая удача: изучался *Королевский гамбит*. Я на всю жизнь запомнила “сумасшедший” вариант с защитой черными пешки f4 и движением “g7-g5-g4”. Пару раз я попросила его “посмотреть” мою партию, проанализировать эндшпиль, у нас явно налаживался учебный контакт. Однако нападение Германии круто изменило все планы: меня отправили в эвакуацию, В.Г.Зак пошел на войну. Провоевал с начала до конца, рассказывать о ней не любил; я только теперь, из статьи Алексея Юнеева узнала, что у него были боевые награды.

Мой первый тренер

Занятия во Дворце шли в группах, и так уж вышло, что своего первого *индивидуального тренера*, много сделавшего для моего шахматного роста, я обрела вне него. Им волею судеб стал талантливый педагог, прекрасный шахматист, человек трагической судьбы, Виктор Андреевич Васильев. Я познакомилась с ним осенью 1944 года в шахматном клубе, когда начала играть в турнире на вторую категорию. Мне — 18 лет, я увлечена литературой Франции (только что поступила на романское отделение ЛГУ), но в равной степени мною владеет и другая страсть — *шахматы*. Играю с наслаждением (во время эвакуации “изголодалась”), но вот беда — некому показать партию, ни одного знакомого лица. Однажды я заметила: вокруг крайнего столика постоянно толпится народ. Оказалось — там идет анализ, да еще такой, что как магнит притягивает всех, и осуществляет его какой-то неизвестный мне человек на костылях. Война его жестоко изувечила, смотреть на него было мучительно, от сочувствия буквально перехватывало горло, но постепенно я привыкла к его суровому лицу, а в строгом голосе уловила скрытую благожелательность. Скоро мне стало известно: он — мастер, и даже очень сильный. Казалось удивительным, почему он с такой душевной щедростью соглашается анализировать наши дурацкие партии. Позднее я поняла: в момент отчаяния любимая игра стала для него спасением, наполнила жизнь глубоким смыслом, поддержала как верный друг.

Я старалась не упустить ни малейшей возможности увидеть его анализ. Слава Богу, однажды я решилась “подсунуть” и свою только что проигранную партию. Мне уже довелось рассказывать об этом жизненно важном для меня моменте в заметке “Читая статью “Васильевский остров” (“ШП” № 4/2000); здесь я вынуждена кое-что повторить, прошу извинения. Момент для знакомства был крайне невыигрышный: атаку я провела плохо, эндшпиль — еще хуже, и в довершение — перепутанная запись. Он молча восстановил пропущенный ход — и началось что-то очень интересное. В память навсегда врезались два завета: “при атаке на ферзевом, не забывай о своем королевском” и “в ферзевом окончании важна лишь продвинутость проходной”. Мне очень захотелось повторить урок, но в другой раз он куда-то спешил, и я грустно сказала себе: “хорошенького понемножку”.

Но вот однажды мне удалось провести эффектную (как я полагала) комбинацию и заматовать черных. В момент смакования триумфа он подошел (я уже знала, что его зовут Виктор Андреевич Васильев) и показал простой маневр, с помощью которого мой противник легко выигрывал. Как ушатом холодной воды облил, но тут же утешил: “Я мог бы пару месяцев позаниматься с вами миттельшпилем”. Ради этого стоило вытерпеть десять “ушатов”!

Инженер по профессии, Виктор Андреевич Васильев (1916–1950) стал мастером в мае 1941 года. Что означало в то время звание мастера — объяснять не надо (иной нынешний гроссмейстер даже близко к такому уровню не приближается). Этому предшествовали крупные успехи, например, второе место (после Толуша) в первенстве Ленинграда 1938 г., второе-четвертое места в первенстве Ленинграда 1940 г., второе место во Всесоюзном турнире кандидатов в мастера 1940 г. (он был своеобразным “чемпионом” по вторым местам). Хочется еще напомнить, что на раннем этапе в его биографии был один *ослепительный* момент. В восемнадцать лет, в 1935 г., ему посчастливилось выиграть у *самого* Капабланки! Тот после Московского международного турнира давал сеанс с часами десяти сильнейшим перворазрядникам Ленинграда и потерпел лишь одно поражение — от Виктора. В сложном ладейном окончании он блистательно переиграл чемпиона мира. В то время мало кто сомневался: его ждет прекрасное будущее, он быстро станет гроссмейстером. Страшный день — 22 июня 1941 г. — сжег все надежды. У Виктора было слабое зрение и не все ладно с легкими, но он не стремился в тыл; как многие тогда, он хотел одного — *на фронт*. Война его изувечила, но сделать из него мизантропа или циника не смогла. Он до конца жизни оставался полноценной личностью, сильным шахматистом, прекрасным тренером и поразительно стойким

человеком. Играть в турнирах после войны ему было бесконечно трудно, подчас он просто героически сражался с болью. За месяц до смерти, чувствуя себя очень плохо, он в чемпионате спортивного общества “Динамо” “...каким-то невероятным, немислимым усилием” набрал на финише 4 из 5 и занял первое место. Эти слова написал мастер Вадим Файбисович в статье “Васильевский остров”. Я ему бесконечно благодарна: как истинный историк шахмат он потратил массу времени и усилий, чтобы спасти имя Виктора Васильева от забвения. Он сумел разыскать его лучшие партии, забытые факты биографии, турнирные результаты, словом, сделал все, чтобы его имя не кануло безвозвратно в Лету. Благодаря статье В.Файбисовича и счастливо найденному им образу, Васильевский остров в Санкт-Петербурге будет навсегда связан в моем сознании с его именем, станет как бы вечным хранителем памяти о моем первом тренере.

Я приходила в его комнатку в коммунальной квартире, шахматы были уже расставлены, занимались мы, действительно, преимущественно миттельшпилем, иногда эндшпилем, дебют принципиально игнорировался (чему я, признаться, была рада). Занятия были очень увлекательными: он всякий раз незаметно завлекал меня в царство тактики. За несколько месяцев такой “школы” я почувствовала себя в миттельшпиле намного уверенней и, кажется, к лету 1945 г. набрала вторую категорию.

У него был тяжелый быт (он ждал с нетерпением жену из Омска), полная неустроенность, а занимался он со мной “в общественном порядке”, как тогда это называлось (т.е. бесплатно). Так и осталось у меня на всю жизнь ощущение вины. Почему я не думала о его материальных трудностях, не постаралась их облегчить? Оправдаться можно: я не была сколько-нибудь известной шахматисткой, ни в каком спортивном обществе не состояла, честно говоря, даже не предполагала, что за мою учебу кто-то будет платить (только позднее поняла, что для советских времен именно это — норма).

В 1945 г. во Дворец вернулся после демобилизации В.Г.Зак. Оказалось, что он числит меня среди “своих” (“не беда, что студентка”). Он предложил мне использовать в полную меру дворцовский клуб: играть там в турнирах, продолжить занятия с ним, ходить на уроки других тренеров. Это было так заманчиво! Увы, я не дала себе труда попытаться разобраться в ситуации. Казалось — все ясно: с Дворцом меня связывают тесные узы, у В.Г.Зака как бы право “старшинства”; к тому же Виктор с самого начала предложил мне лишь “пару месяцев занятий миттельшпилем” и как раз в это время уезжал на очередной турнир. Теперь я понимаю, что для него, возможно, мой уход не был столь безболезнен, как мне тогда казалось. Фактически судьба предложила мне первый опыт “расставания”, но я не сумела оценить урок во всей сложности. Только позже я постепенно научилась понимать, сколько в подобной ситуации подводных камней, сколько в ней таится обид и несправедливости. Со временем пришло и другое понимание: как много Виктор Васильев за краткий срок успел мне дать. Он открыл передо мной увлекательный мир *шахматного анализа*, приучил не жалеть на него времени, находить наслаждение в самом процессе неторопливого поиска истины, и тем самым заложил основу будущих успехов.

Владимир Григорьевич Зак

Именно он стал Главным Учителем в моей шахматной жизни. Он занимался со мной с 1945 по 1958 год, то есть в период моих высших достижений. Хотя инициатива занятий исходила от него, не думаю, чтобы эта перспектива его сильно

привлекала. Он любил вводить ученика в волшебный мир шахмат с самого начала, с азов, а я была вполне взрослой, студенткой 2-го курса, и в шахматах отнюдь не была новичком. Зато для меня его предложение было большой удачей: я быстро выполнила сначала второй, а позже — и первый разряд.

Уроки, насыщенные и очень информативные, как правило, проходили у него дома. Там я нередко встречала 9-летнего Борю Спасского и 14-летнего Виктора Корчного; оба — без отцов, оба обрели в этой семье как бы *второй дом*, оба частенько оставались обедать. Как известно, послевоенные годы были нелегкими. Для тренера с тощей зарплатой и большой семьей (жена и две маленькие дочки) тем паче. С едой в те времена была «напряженка» (помню, какими ликующими криками встречали мы в Киевской гостинице Москвы — шло первенство СССР 1947 года — появление Дэвика Бронштейна *сизысканным угощением* — двумя буханками хлеба), но для двух мальчиков в этом добром доме обед всегда находился.

В.Г.Зак был строгим тренером и обаятельным человеком: «Всем были известны его высокая требовательность и строгость к ученикам, принципиальность в отношениях с коллегами, педантичность и пунктуальность, но его уважали потому, что все эти качества вытекали из высоких требований к самому себе». Он всегда стремился знать домашнюю жизнь ребенка, быт семьи, боролся за нравственное состояние ученика. Характерны зарисовки Б.Спасского и В.Корчного. Первый вспоминает о том, как В.Г.Зак свел его на «Кармен» (с тех пор он полюбил оперу), записал в конькобежную секцию, рекомендовал книги для чтения (Боря особенно полюбил «Принца и нищего» Марка Твена, вспоминал, как он сильно переживал, что «принц» снова станет «нищим»). В таком же духе вспоминает и Виктор Корчной: «Я рос без отца, он погиб на фронте, и Зак во многом заменил его. Я приходил к нему в дом, я был вхож в семью, он лепил меня, как человека<...> Он много сделал для моего человеческого воспитания».

Владимиру Григорьевичу в высшей степени были свойственны «...порядочность, честность и воспитанность в сочетании с твердостью убеждений, чувством собственного достоинства». В начале пятидесятых годов, в момент расцвета государственного антисемитизма, его подвергли травле, одна за другой на кружок сваливались комиссии, имевшие целью изгнание В.Г.Зака из Дворца. Он был убежден, что «теневыми» организаторами травли были Толуш и Бондаревский. Поэтому он так болезненно пережил переход пятнадцатилетнего Спасского после того, как тот выполнил в 1952 г. норму мастера, к Толушу. В.Г.Зак собирался после официального оформления звания тут же передать его другому тренеру и не раз говорил мне об этом. Однако случилось непредвиденное: он уехал со мной на первенство СССР, и в его отсутствие Толуш «переманил» ученика. В.Г.Зак расценил «переход» как предательство. Можно как угодно судить об этой истории, но однозначной оценки быть не может. Я, например, в прошлые времена, воспринимая все глазами Зака, оценивала ее пристрастно. Теперь я признаю неоспоримый факт: истинный «дока» атаки Александр Толуш очень много дал Спасскому для овладения этим искусством. Объективно «переход» был нужным и конструктивным, вот если бы его еще и *по-человечески* провести! Дошло до меня и другое: в шахматах, если тренер еще играет, ученик *должен* стремиться его победить; честь и слава Учителю, сумевшему смирить самолюбие и порадоваться своему поражению. Последнее я поняла, вспомнив, как болезненно перенес В.Г.Зак случайно дошедшие до него неосторожные слова шестнадцатилетнего Корчного: мол, он готов проиграть всем, лишь бы выиграть у Зака (что он и сделал в чемпионате Ленинграда; думать так можно, но зачем же *вслух*?!?)

Отношения с учениками редко складываются безоблачно, такова жизнь. Что касается Спасского, то он много раз пытался из Парижа наладить контакт с первым тренером. В.Г.Зак на сближение принципиально не шел. И только когда он лично отыскал его на даче и предстал с повинною пред очами Учителя, контакт

наладился. Не менее сложно развивались отношения Зака и с Виктором Корчным. В исследовании “Люди и шахматы” (история шахмат в Ленинграде) он не упомянул имени “невозвращенца” Корчного: в ином случае книга вряд ли увидела бы свет. Думаю, он сильно терзался, и именно поэтому поспешил сам ее послать Виктору: “...он мне написал письмо, что лучше такая книга, чем никакая, а я ему ответил: нет — лучше никакая книга, чем вранье. И после этого между нами не было уже никакого контакта” (исследование вышло в 1988 г., в перестройку, но ведь тогда книги лежали в издательствах помногу лет). Однако когда в конце жизни Владимир Григорьевич тяжело заболел, оба ученика не бросили его в беде. Спасский устроил его в престижный дом хроников в Павловске, что было совсем не просто (у В.Г.Зака там была своя комната с туалетом и душем). Оказавшись в Ленинграде, я немедленно поехала к нему. Владимир Григорьевич, как показалось, меня узнал, обнял и заплакал. Я постаралась сделать, что могла, постирала, что было, уехала с тяжелым сердцем. Вечером позвонила Виктору, рассказала о поездке и сообщила, что больному требуется сиделка. Он без раздумий ответил, что будет посылать ежемесячно двести долларов... сразу же выслал в первый раз, но второго, увы, не потребовалось.

Как шли наши занятия? Своей первой задачей Владимир Григорьевич считал развитие комбинационного зрения. Бытовало ошибочное мнение, что Зак преимущественное внимание уделяет *позиции*. Это не так. Он сам был шахматистом активно-позиционного стиля, любил атаковать, обладал острым комбинационным зрением и был убежден, что шахматная учеба должна начинаться с овладения *атакой* и *комбинацией*. Примечательный факт: первым, главным, неизбежным дебютом для всех был *королевский гамбит*. Во Дворце над этим дебютом реял какой-то особый ореол. Показательны воспоминания Б.Спасского: “... это он королевскому гамбиту меня научил, и королем научил вперед выходить в дебюте, не бояться <...> так я стал королем королевского гамбита в XX веке, ведь я по существу один его и играл”. Справедливости ради заметим, что все же первым был не он, а Давид Бронштейн, который в сороковых годах одержал им не одну блистательную победу.

Однако, как только ученик дорастал до уровня самостоятельного выбора дебютных схем, В.Г.Зак не оказывал ни малейшего нажима. Я, например, довольно быстро поняла, что тяготею к закрытым дебютам, обратилась к ним — и уже на всю жизнь. В.Г.Зак помог мне “разгадать” себя: до сих пор самое большое наслаждение доставляет мне логичная, цельная, последовательно проведенная партия. В понимании позиции я сильнее, чем в атаке; в моем умении наметить план и последовательно его провести — немалая заслуга учителя. Н.Гаприндашвили писала обо мне в книге “Предпочитаю риск”: “Позиционный зажим по всем правилам — это всегда было ее самым сильным оружием. Если уж соперница давала ей такой шанс, Вольперт не упускала его никогда. Вот почему, кстати, Вольперт была для меня долгое время трудной партнершей <...> Лариса Ильинична очень искусно пользовалась моими тогдашними позиционными промахами и строго наказывала как за них, так и за неуважительное отношение к позиционной борьбе вообще”.

В.Г.Зак очень много уделял внимания переходу из дебюта в миттельшпиль, пешечному костяку, легким фигурам в связи с ним. От меня он вначале хотел, чтобы я хорошо видела доску, и велел сыграть 30 партий вслепую. Мой муж великодушно согласился (я кричу из кухни ходы, он делает их на доске), все партии проиграл, но стойко “испил чашу” до дна. В.Г.Зак приучал учеников самостоятельно анализировать сыгранную партию и давать к ней письменный комментарий, а уж потом — анализ вместе. Он был недоволен моей боязнью риска (я очень редко в первенствах СССР проигрывала) и настаивал, чтобы я приносила ему *ноль* и *очко*, а не *две половинки*.

Мои самые большие успехи были связаны с ним: 3 раза чемпионка СССР (1955, 1958, 1959); второе место в турнире претенденток 1955 г., третье — в турнире претенденток 1959 г. После этого турнира он, к моему огромному огорчению, неожиданно объявил: “Я дал вам все, что мог. Теперь полезнее поучиться у других”. — “Но я не хочу никого другого”. — “Так надо. Я утратил веру, что вы сможете завоевать Олимп”. — “Ну и что? Я и сама ее давно утратила”. — “Тренер шахматистки такого класса должен подобную веру иметь. Вам подошел бы П.Е.Кондратьев”. Переубедить его было невозможно. Я не понимала — *почему?* Почему он отказывается от престижной шахматистки, от успеха, от заработка, в конце концов (ДСО “Труд” по тем временам платило неплохо). Только теперь, восстановив ход событий, я его поняла. Разрешу себе краткий экскурс в прошлое.

В турнире претенденток 1955 г. я опережала Рубцову за три тура до конца на очко; мне оставались аутсайдеры. Видимо, в тот момент мой тренер не сомневался: матч с Быковой — *наш!* Но, увы, я сделала три ничьи, а Ольга Николаевна Рубцова все три партии выиграла. Интересный нюанс. Как я узнала позже, она сходила к моим противницам и сказала приблизительно следующее: “Лариса молода, у нее все впереди. А для меня это — последний шанс. Очень прошу — постарайтесь сделать ничью”. Упрекнуть ее не в чем: вполне лояльный психологический прием. К тому же по возвращении мой отец, хороший шахматист и психиатр, спросил: “А может быть, ты устала?” — “Не похоже”. Просмотрев злополучные партии, он поставил диагноз: “Усталость. Возбуждение превалирует над торможением, пускаешься в атаку, как пьяный автоматчик...” Действительно, я без всяких оснований почему-то с места бросалась атаковать, оказывалась у разбитого корыта и... соглашалась на ничью. Примечательно, что лично я перенесла финишные неудачи *легко и безболезненно*. А вот В.Г.Зак — совсем не легко: он даже не пожелал остаться на банкет и уехал в тот же день. Только теперь я осознала, какое глубокое разочарование я ему принесла и как эгоистически мало я думала о его огорчениях. Но в тот момент он, видимо, все же продолжал верить в мои возможности. И только в 1959 г., когда со второго места в турнире претенденток я “съехала” на третье, он окончательно утратил надежду на завоевание Олимпа и отказался от меня сам. Может быть, история со Спасским научила его расставаться с учениками решительно и быстро.

Павел Евсеевич Кондратьев

Мой третий тренер в отношении к шахматам и к занятиям во многом был схож с Владимиром Григорьевичем. И как личности они были в чем-то похожи: интеллигентные, деликатные и образованные люди. И для Павла Евсеевича война стала важным рубежом: сразу после окончания школы он ушел на фронт и провоевал во флоте всю войну. После демобилизации он вскоре стал мастером и понял, что хочет одного — учить детей шахматам. Он также был тренером по призванию, любил и умел преподавать, вырастил много выдающихся шахматистов, например, четырехкратную чемпионку СССР, игравшую матч на первенство мира с М.Чибурданидзе, Иру Левитину. Вообще Павел Евсеевич был очень интересным человеком: знал и любил классическую музыку (особенно вокальную); прирожденный полиглот, он был очень способен к языкам, в свободное время ими с увлечением занимался, свободно говорил по-французски и по-английски. Он и как методист в чем-то был похож на Владимира Григорьевича, но многим и отличался. Занятия с ним были очень интересными. Мой дебютный репертуар стал разнообразнее. Он так же, как и В.Г.Зак, всячески старался избавить меня от боязни риска, стремился улучшить мое комбинационное зрение. У Павла Евсеевича Кондратьева было ценное педагогическое умение: он как никто другой

умел связать объяснение со структурными особенностями позиции. При этом всякий раз использовалась оригинальная методика: он приносил несколько позиций на одну тему и предлагал оценить соотношение сил двух сторон по десятибалльной системе. Например, зная, что я плохо играю конями и даже их несколько побаиваюсь, он не шел обычным путем (решение коневых позиций), а всякий раз связывал задачу со структурной спецификой. Скажем, считалось, что мы занимаемся конем, но почему-то наше внимание приковывала изолированная пешка. Предчувствуя ее неизбежную гибель в эндшпиле, я ее панически боялась. И вот, “сражаясь” с двумя этими страхами одновременно, П.Е.Кондратьев ставил позиции, где изолированная пешка на d4 поддерживает коня на e5 (или c5). Мне предлагалось оценить расстановку сил и найти план за белых. Поначалу это мне удавалось плохо, но постепенно я начала чувствовать, на каком фланге у белых активность, и понимать, что могучего коня без ослабления фланга изгнать трудно. Если же нет, то он бьет прямой наводкой четыре белых поля в “сердце” противника, поддерживая атаку.

Или другой пример: *кто какой блокер?* Оказывается, *длинноногие* фигуры — плохие, особенно ферзь и ладья, а вот конь — прекрасный: вражеская пешка его защищает, а он бьет себе спокойненько восемь полей вокруг. Или приносил позиции, когда в определенных случаях конь стойко защищает разрушенную рокировку от ферзя. Конь стоит себе на f2 (король, предположим, на g1) и храбро сражается с ферзем: не дает ему проникнуть на g4, h3, h1, e4, d3, d1.

Мастерски и с увлечением он учил ладейным окончаниям. 80% занятий эндшпилем посвящалось им. Особенно его увлекал анализ многопешечных позиций — длинноногая ладья совершала чудеса. Это был единственное время в моей жизни, когда мне стало казаться, что я начинаю разбираться в окончаниях такого рода. Действительно, в первенстве СССР 1964 г. в Тбилиси я при доигрывании спасла две проигранных позиции и выиграла одну ничейную. Я тогда думала, что это “умение” останется со мной навсегда; увы, нет, время стерло и его, заниматься надо постоянно. П.Е.Кондратьев вообще питал к ладье особое почтение. Недавно я узнала от Б.Гобермана о забавном споре на семинаре тренеров во Дворце: какой тяжелой фигурой надо прежде всего учить малышей давать мат. Кондратьев жестко настаивал: первым должен изучаться — мат ладьей, а не ферзем (я сразу вспомнила свои детские “муки”).

Занятия наши были творческими и увлекательными, но я... продолжала “съезжать” (в турнире претенденток 1961 г. разделила 7-9 места). По-видимому, В.Г.Зак был прав: я исчерпала свой потенциал. Нона Гаприндашвили стала чемпионкой мира, появилась новая молодая, сильная когорта шахматисток. Павел Евсеевич не разуверился во мне, считал, что перспектива роста есть, и был искренне огорчен, когда узнал о моем желании вернуться к науке (кандидатская диссертация была мною защищена еще в 1955 г., это время вообще оказалось для меня “звездным”— я стала чемпионкой СССР, взяла 2-е место в турнире претенденток и защитила диссертацию). Но неуклонный “спуск” продолжался. На зональном первенстве СССР 1963 г. я впервые не вышла в турнир претенденток. Судьбе было угодно, чтобы как раз в этот момент мне предложили почитать лекции заочникам в Псковском пединституте. Поступать на работу можно было, только отказавшись от стипендии (считалось, что в СССР нет профессионального спорта, нас оформляли как бы тренерами “самих себя”). В 1964 г. решение было принято, я попросила, чтобы у меня “забрали” стипендию (другого такого случая в СССР, признаться, не знаю). Позже об этом моменте в книге “Предпочитаю риск” Нона Гаприндашвили написала: “Гордая, самолюбивая Вольперт приняла свое мужественное решение <...> Как чемпионка мира я грущу по поводу того, что эта выдающаяся шахматистка рано покинула шахматную сцену, не сумев, как мне кажется, полностью раскрыть себя. Как ее бывшая соперница, многому у нее научившаяся, как женщина, я

горжусь тем, что Вольперт стала серьезным ученым, добилась самоутверждения в сфере филологии”.

Мнение Ноны оказалось для меня немаловажным: многими мой уход из шахмат воспринимался как своего рода “отступничество”, я и сама из-за этого шага испытывала неловкость. Она же, выказав небанальный подход, дружески меня поддержала. Сегодня, в новой обстановке, когда все оценивается по иной шкале, ее взгляд в чем-то оказался провидческим, в нем как бы проглядывает возможность новых решений.

Полюбив однажды шахматы, внутренне им изменяют редко. Так случилось и со мной: притягивают, как магнитом; то сыграю в мужском первенстве Тарту, то съезжу на матч (на 100 досках) Эстония – Латвия, то попытаюсь решить этуод. Мне очень близко афористическое интимное признание Тартаковера: “Шахматы, так же как любовь и музыка, могут сделать человека счастливым”. Детский тренер сегодня, как и прежде, дарит ребятам редкий шанс испытать это счастье, возможность стать творцом красоты и победы. Мне же, кроме этого, довелось узнать сладость спортивного успеха больших шахмат. Безмерная благодарность моим учителям: Владимиру Григорьевичу Заку, Виктору Андреевичу Васильеву и Павлу Евсеевичу Кондратьеву.

Поскольку шахматы сейчас так сказочно помолодели, чемпионаты проводятся по возрастам (с 6 лет) и нарастает подлинный родительский бум, перед тренерами открылись новые широкие горизонты (каждый может вырастить чемпиона России или Европы). Но самой главной задачей все же остается — ввести ученика в царство красоты.